

Николай
Коняев

Лилли

Николай Михайлович Коняев

Лилии (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43177795

Лилии:

Аннотация

В новую книгу Н.М. Коняева включены рассказы и повесть о наших современниках, вера которых помогает сделать им правильный выбор в трудной жизненной ситуации.

Содержание

Крестное знамение	5
Ночной гость	9
Лесенки	16
Новогодний подарок	18
Медведь	21
Политрук	35
За всё «запложено»	38
Выкупленная икона	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Николай Коняев

Лилии

© Николай Коняев, текст, составление, 2010

© Издательство «Сатись», оригинал-макет, оформление,
2010

Крестное знамение

Откуда-то издалека, из детской глубины памяти, всплывает эта история...

Кто ее рассказывал?

Бабушка?

Мама?

Или, может, кто-то из странников, ночевавших тогда у нас? Сколько их проходило тогда мимо по развороченной, обугленной войною земле...

А история была такая...

Крестьянин услышал в церкви, что Господь Иисус Христос, наш Спаситель, принял мученическую кончину на кресте, и поэтому теперь каждому православному свой крест надобно нести.

И задумался крестьянин, как только русский мужик умеет задумываться, уже ни на что более не отвлекаясь и не беспокоясь более ни о чем.

А обдумавши все, отправился в лес, нашел подходящее дерево и, повалив его, смастерил крест. Потом топор в пенек воткнул, перекрестился и, взвалив крест на плечи, двинулся в путь.

Куда?

А куда глаза глядели...

Тяжел крест, но нести надо, раз взялся...

И долго мужик шел.

Может, неделю, а может – месяц. Главное, что всю оставшуюся жизнь...

А в конце жизни пришел он к монастырю.

Остановился у входа, а войти не может – слишком велик крест оказался, не проходит в ворота.

Предлагали мужику, дескать, сними с плеч крест, разберем его, пронесем через ворота, тогда снова поднимешь на плечи...

– Нет, – отвечал мужик. – Никак нельзя. Невозможно его с плеч снять, покуда до конца не донесу...

Ну, нельзя, так нельзя.

Остался он с крестом за стеною монастыря.

Прошел день и наступила ночь.

Утром пошли монахи в церковь – стоит мужик с крестом за воротами. Никуда не ушел. Дальше ему идти некуда...

Игумен к мужику вышел.

– Так, мол, и так, – говорит. – Не проходит в ворота крест твой. А стену ломать монастырскую не положено. Да и опасно очень – враг приближается... Как без стены оборонимся?

– Не надо ломать... – отвечает мужик. – Я тут постою, пока силы будут...

Прослезился игумен и в келью ушел – молитву творить.

И было ночью видение игумену. Утром собрал он братию и благословил – монастырскую стену разбирать.

Разбирают ее монахи, а стена не в теперешние времена де-

лана, не разбирается никак. Каждый камушек вырубать приходится.

Несколько дней и ночей трудились, пока проломили стену. А только ввели мужика с крестом в монастырь, тут и враги...

Скачут необозримые полчища. Стрелы летят тучами. Сабли сверкают...

Думали монахи, что погибель монастырю наступает. Прямо в пролом мчится вражья конница...

А мужик, едва только вошел в монастырь, слабеть стал, прислонился с крестом к стене, в аккурат пролом им закрыв, перекрестился и помер...

– А враги? – спросил я. – Они ведь в монастырь хотели ворваться!

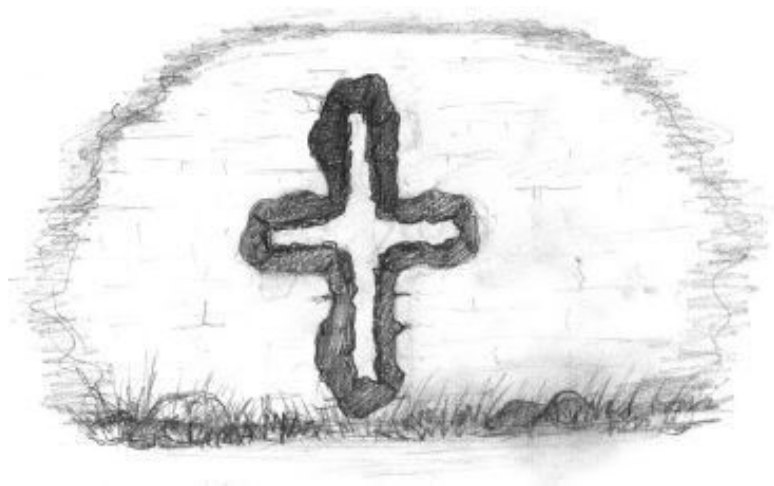
– Не ворвались... – заверил меня странник. – Никто тот крест сокрушить не смог. Сказывают, что тракторами его тащили, да он не поддался. Немцы танками пытались свалить, а он все равно стоит... И сейчас, сказывают, на том же месте, куда и поставили. Никто, никакая сила не может сдвинуть...

Перекрестился странник, завершая свою историю.

И с этим исчезает он в сумерках детской памяти... Только крестное знамение и осталось от неведомо откуда и неведомо куда шедшего мимо нашего дома по обугленной послевоенной земле странника...

Но и сейчас, через столько лет, закрываешь глаза и видишь, как движется старческая рука, творя это крестное зна-

мение...

Ночной гость

Первым завял иван-чай, а ромашки еще стояли – горели солнышки в белом ореоле лепестков сквозь поникший и скукожившийся сиреневый мусор... Этот букет, который давно уже пора было выбросить, и увидел я, проснувшись посреди ночи.

Проснулся я от крика, раздавшегося во сне.

Кто-то кричал, кто-то звал меня, но кто? Я не мог вспомнить...

Густая, вязкая тишина стояла в отвыкшем за зиму от человеческих голосов доме, и только сердце тяжело бухало в груди, пытаясь одолеть прорвавшийся сквозь сон крик.

Поднявшись с дивана, я прошел на кухню, вытащил из лежащей на столе пачки сигарету и закурил. В пламени спички на миг потемнело окно, но спичка погасла, и снова окно затянулось сероватым светом белой ночи. За деревьями тускло светилась речная вода.

Крик повторился снова, когда я уже докурил сигарету.

– Ну, куда ты лезешь?! Куда лезешь?! – кричала на улице соседка.

Торопливо натянув штаны и накинув на плечи куртку, я выскочил из дома.

На крылечке соседнего дома, в длинной белой рубахе стояла Вера Лепешкина. А кричала она на мужика, что стоял в

помятом пиджаке, в сапогах посреди капустных грядок.

Соседская собака тоже была тут. Молча, без лая, прыгала на мужика, но тот не отбивался от нее, стоял, виновато опустив голову.

– Шарик! – крикнула соседка. – Да отойди ты! Кому говорят! И ты, Иван, иди. Нет здесь никого.

Собака послушно поджала хвост и отбежала в сторону.

– Ступай домой... – повторила соседка. – Не броди тут, Иван, по ночам. Иди с Богом...

Мужик, опустив голову, послушно двинулся прочь. Прошел через огород, открыл калитку и пропал за серым неровным забором, где-то на пустыре.

– Кто это? – закуривая новую сигарету, спросил я.

– Ваня Фершуков... – ответила Вера. – Он капитаном на самоходке ходил... А позапрошлым летом поехал на моторке с семьей. В самое озеро выехавши были, а тут ветер... Волны с баньку величиной пошли, ну и перевернулась, конечно, лодка. Жена и сын потонули. Теперь вот ходит, ищет их, по домам лазает...

– А их тогда так и не удалось спасти? – спросил я.

– Какое там спасение? – вздохнула соседка. – Погода такая страшная была. Его самого без сознания на берег выкинуло. До сих пор в себя не может прийти...

Она поежилась от прохлады и, вспомнив вдруг, что на ней одна рубашка, торопливо ушла в дом. Слышно было, как брякнула задвигаемая на двери щеколда.

Я посмотрел на часы. Была половина второго. Ночь, чуть-чуть было потемневшая, когда я ложился спать, сделалась как-то просторнее, словно все клубившиеся сумерки успели отстояться в ней. Прозрачной была она сейчас и бесконечно тихой. Густо пахло сиреню.

Вернувшись домой, я лег в постель, но уснуть не смог.

Дом, словно растревоженный ночным криком, был наполнен тихими шорохами, потрескиванием обоев... Казалось, что он тихо ворчит, сам себе жалуется на что-то.

Было время, когда я боялся оставаться в этом доме на ночь в одиночестве.

В тишине звуки разрастались, обретали сходство с головами людей, казалось, все мои близкие, что жили в этом доме, собираются тут и разговаривают, но о чем? – я не мог разобрать...

В полусне мешались голоса с сонными видениями.

Я забывал в этой полудреме, кто жив, а кто уже давно умер, начинал разговаривать сам, и когда вдруг вспоминал, что говорю с умершей матерью или отцом, сжималось сердце от страха...

Впрочем, это было давно...

Сейчас и захочешь, а не сразу вспомнишь лицо матери, голос отца, сейчас я и сам уже вошел в возраст, в котором родители казались мне пожилыми людьми. Сейчас не так уж много мне самому осталось лет, если мерить по сроку жизней родителей...

Хотя, может быть, дело не только в возрасте.

Просто последнее время потихоньку начинаем мы приобщаться к православной жизни, «воцерковляться», как говорят батюшки, и ночные страхи отступают, рассеиваются...

Задумавшись о своем, я то ли задремал, то ли отвлекся и пропустил момент, когда в потрескивание обоев, в шорохи, доносящиеся с чердака, вплелись другие, какие-то царапающие звуки. Вот – совершенно явственно – задрезало стекло в боковой комнате, потом – оглушительно громко – закрипела створка окна.

Я вскочил.

Под руку попалась только кочерга, что стояла возле лезанки. С этой кочергой и вбежал в боковушку.

Темный, заслоняя собою белоночный свет, лез в комнату мужик. Створка была слишком узкой для него, и он застрял, просунув в комнату только плечо и голову. На руке, сжимавшей подоконник, темнел вытатуированный якорек.

Глупейшее положение хозяина дома, наблюдавшего за застрявшим в окне грабителем.

Ударить кочергой по голове?

Вытолкнуть в огород?

– Голубчик... – проговорил я. – Что ты позабыл здесь?

Ситуация была кретинская, а вопрос еще более кретинский. Мужик дернулся так, что зашатался оконный переплет. Я подумал, что мой гость вырвет сейчас его из пазов и вместе с ним рухнет в огород.

– Главное, не волнуйся! – торопливо сказал я. – Не спеши... Поаккуратнее, пожалуйста.

– Ы-ы... – промычал мужик, поднимая лицо. Оно было темным от морщин и загара. Только голубые глаза светились из его сумерек.

– Они здесь?

– Они?! – я наконец-то узнал в своем госте мужика, которого видел час назад в огороде Веры Лепешкиной. – Нет... Здесь никого нет...

– А где же они?

Я пожал плечами. Мне все-таки удалось втащить его в комнату, не поломав раму. Закрыв окно, чтобы не налетели комары, я повел незваного гостя к выходу. Когда мы проходили через кухню, взгляд его задержался на миске с вареной картошкой, что стояла на столе.

– Может, ты есть хочешь? – спросил я.

Сглотнув слюну, он кивнул. Я вытащил из целлофанового пакета хлеб, достал из холодильника недоеденную тушенку и уселся напротив, наблюдая, как ест мой гость.

Ел он неряшливо, жадно, пальцами запихивая в рот неочищенные картошины и обмокнутые в тушенку куски хлеба. При этом он еще и рассказывал что-то.

Он говорил про озеро, про лодку, на которой они плыли, когда налетел ветер... Про церковь, вставшую на озерном берегу. Слова мешались с чавканьем, застревали во рту, с трудом проглатывались вместе с кусками картошки...

Наконец, он наелся. Вытер рукавом пиджака рот и внимательно посмотрел на меня.

– Где же они все? – с болью спросил он. – Мы ведь плыли в одной лодке...

– Ты же сам видел, что здесь никого нет, – вставая, сказал я. – Пошли. Я открою дверь.

Фершуков кивнул и, не возражая, прошел следом за мною на веранду. Вышел в распахнутую дверь.

Уже на улице он остановился.

– Мы же все были в одной лодке... – сказал он.

Здесь, на улице, мне удалось лучше, чем в домашних сумерках, разглядеть его. Исхудавшее морщинистое лицо, порванный, испачканный пиджак болтался на его плечах, как чужой. А в голубых глазах светилось такое горе, что я отвел глаза.

– Иди домой... – сказал я. – Иди...

Уже из окна я видел, как вышел Фершуков на дорогу и, опустив голову, медленно зашагал вдоль реки, в поселок. Я следил за ним, пока он не пропал, заслоненный стоящим на подоконнике букетом, среди скукожившихся, потемневших лепестков которого ярко горели незакатные солнышки ромашек.

Я докурил сигарету и снова улегся в постель. Странно, но это ночное приключение не развеяло сна. Удивляясь этому, я и заснул...

Мне снилось: мы плыли на лодке, когда налетел ветер...

Высокие – под баньку! – пошли волны, захлестывая озерный берег, церковь, вставшую на берегу, само небо...

Лесенки

Еще до войны взорвали у нас в поселке храм Вознесения Господня...

Обломками, с которых и при взрыве не осыпались фрески, замостили топкие места на дорогах, но память, память о храме так и не сумели уничтожить...

Я родился уже после войны, но запомнил, как пекли на сороковой день после Пасхи, на Вознесение Господне, «лесенки».

Это были сухие, как печенье, выпечки, изображающие лесенку с семью ступенями.

Были они необыкновенно хрупки и иногда разваливались, когда их снимали с противня.

«Лесенки» не просто ели. «Лесенками» гадали.

Надо было взобраться на печь и сбросить «лесенку» на пол. Если «лесенка» останется цела, значит, все хорошо. Значит – безгрешный ты человек и спасение для вечной жизни тебе гарантировано...

Если поломается «лесенка», надо посмотреть, на какой ступеньке это произошло... Ну, а коли вдребезги разлетится «лесенка» – беда. Всерьез надо задуматься о грехах, слишком много их накопилось.

Только хрупкими были «лесенки». Не припомню я, чтобы хоть одна уцелела после падения.

– Дак это с печи так падают... – говорила бабушка. – А когда храм стоял, с колокольни бросали. С этакой вышины.

– И что, бабушка? – спрашивали мы. – Наверное, совсем на мелкие кусочки разлетались? И не собрать было?

– По-всякому бывало... – отвечала бабушка. – У некоторых ребят и целыми иногда оставались.

– Так, наверно, и пекли тогда иначе... – заступалась за нас мать. – Мука-то была не теперешняя...

– Все тогда не теперешнее было... – отвечала бабушка. – Хоть и в огород выйдешь, а обязательно на храм посмотришь да и перекрестишься...

Неясны, туманны были ее слова о «нетеперешней» жизни...

А сейчас и сами «лесенки» вспоминаются туманно.

Помню только, как собирали мы с крашеного пола кусочки наших разбившихся «лесенок» – бабушка говорила, что надобно обязательно съесть их! – и как-то не по-детски печально было на душе.

Новогодний подарок

– А помнишь... – сказала мне сестра. – Ты ведь уже в школу ходил, а все равно – самый маленький в семье был, вот и приходилось тебе старые вещи донашивать. Некому больше было... И однажды взбунтовался ты. Не буду, говоришь, старое носить, и все! Так тетка-то Маруся тогда к бабке, Анне Тимофеевне, унесла Шуркино пальто перешивать. А когда готово было, пришила на него ярлык с отцовского пальто и принесла домой.

– Колька, – говорит, – я тебе к Новому году в магазине пальто нагладела. Вроде как твоего размера... Я померить взяла, ты прикинь-ка...

– В каком магазине? – спросил ты.

– Да в раймаге ведь... Вон ярлык-то целый... Ты прикинь пальто на себя, если не подойдет, дак назад отнести надо.

Ну, ты ярлык проверил, потом надел пальто.

– Дак что? – тетка Маруся спрашивает. – Будешь носить или в магазин отнести?

– Оставь... – сказал ты.

Двоюродная сестра вспомнила историю, которую помнил и я.

Очень хорошо помнил...

Действительно, в детстве мне приходилось донашивать вещи, которые носили брат и сестра, и меня это возмуща-

ло. И брату и сестре время от времени покупали в магазине новое, а мне нет. И ничто не могло поколебать ощущения несправедливости...

Так что случай, про который вспомнила двоюродная сестра, на самом деле был. Только сестра и сама не знала некоторых подробностей.

Я донимал мать, чтобы она купила мне пальто в магазине, а не перешивала пальто, из которого выросла сестра Саша. Но покупать не на что было... Вот мать и придумала этот фокус с ярлыками.

Сестра не знала только, что ярлыки не обманули меня...

Я сразу узнал пальто, которое носила Саша, никакой ярлык не мог помешать этому узнаванию. Просто, когда я понял, чье пальто «купили» мне, я увидел глаза матери – о, как она смотрела на меня тогда! – и слова возмущения застряли комком в горле.

– Оставь! – только и сумел я буркнуть тогда.

Мать облегченно вздохнула, а я потом целый год ходил в этом пальто, и старательно не замечал улыбок, которыми обменивались взрослые, когда мать снова и снова рассказывала при мне, как она «покупала» пальто в раймаге.

Как новое и носил я это пальто.

Однажды даже подрался с приятелем Сашкой Горбуновым, усомнившимся, что мое пальто – покупное...

Впрочем, с Сашкой Горбуновым мы в тот же вечер и помирились.

Как-то все равно нам было, в каких пальто дружить...

Медведь

Вера Сергеевна на лесном озерке медведя встретила.

Он шел по другому берегу озера и тоже, как и Вера Сергеевна, брал ягоды.

И, может, потому что ходил медведь за темной еловой во­дою, а может, просто потому, что так хорошо она его уви­дела, но никакого испуга Вера Сергеевна не почувствовала. Перекрестилась и снова нагнулась к усыпанной брусничой кочке.

Время от времени Вера Сергеевна поглядывала на медве­дя, но тот не уходил никуда, наедался на зиму.

На хорошей ягоде бруснику легко собирать – немного и времени прошло, а уже наполнилась корзинка. Прощаясь, Вера Сергеевна снова на медведя посмотрела, и защемило, защемило сердце от невысказанной красоты Божьего мира.

Проглянувшее солнышко высветило елки, заиграло в озерной воде, а тут еще легкий ветерок пробежал по верхуш­кам деревьев, и посыпались, посыпались с берез и осинки золотые листья. И хоть и ушло солнце за тучу, но вода в озере, засыпанная золотом листьев, словно бы впитала в себя сол­нечный свет.

– Спаси Господи люди Твоя и благослови достояние Твое... – прошептала Вера Сергеевна, и медведь, словно бы почувствовав что-то необыкновенное, остановился, внима-

тельно посмотрел на женщину, а потом покачал тяжелой головой и, переваливаясь, неторопливо пошел по озерному берегу в другую сторону.

1

Из леса Вера Сергеевна как с праздника вернулась. И усталости никакой, и на душе светло, как на озере, когда его осветило проглянувшее солнышко... Даже не удержалась Вера Сергеевна, похвастала соседке Шура Великановой, что, будто на иконе побывала, так хорошо...

– Где-где? – переспросила Шура.

– На иконе... – сказала Вера Сергеевна. – Медведь ходит рядом, а потом ветерок дунул и так листья посыпались, что золотым сразу все стало... Как на иконе...

– Ага... – сказала Шура. – Медведя увидишь, так не только икона со страха привидится...

– Да я же не про страх говорю, а про то, что на душе светло стало...

– Ягод-то набрала? – думая о своем, спросила Шура.

– Да набрала, набрала... Ягода в этом году хорошая.

– Слышь, Василий? – Шура заглянула в комнату.

– Слышу... – раздался из комнаты недовольный голос шуринового мужа, Василия Егоровича Великанова. – Белая, небось, еще брусника?

– Не, белой и нет почти... – сказала Вера Сергеевна. – В

этом году раньше ягода пошла...

– Я говорила, а ему, хоть кол на голове теши... – недовольно проворчала Шура. – Две корзинки от дочери заказаны, так сколько времени, по яголке собирать будем, когда всю бруснику выберут?

– А сама-то не приедет?

– Да куда ей на восьмом месяце бруснику собирать?

– Наберем... – сказал из комнаты Великанов. – А ты, Сергеевна, чего со мной-то не здороваешься? Или Шурка не пускает?

– Да я на минутку только забежала... – сказала Вера Сергеевна. – Я и не знала, что ты дома.

И, посмотрев на Шуру, заглянула в большую комнату.

2

Василий Егорович за письменным столом у окна сидел, и на тарелке перед ним лежали серые осиные гнезда.

Великанов ломал гнезда над столовой ложкой, а потом растирал в пыльцу и завертывал эту серую пыль в хлебный мякиш.

– Зубы болят? – спросила Вера Сергеевна.

– Всю ночь не спал... Совсем замучили...

– К зубному тебе надо...

– Так в райцентр ведь за день не обернешься... – вздохнул Василий Егорович. – Сама говоришь, что брусника поспела,

когда же идти за ней?

– Да, теперь с любой болячкой в райцентр надо ехать... – сочувственно вздохнула Вера Сергеевна, но тут же легко улыбнулась. – А что, Василий, если бы тебе, когда мы по распределению приехали сюда в поселок работать, сказали бы, что ты осинными гнездами зубы лечить будешь, поверил бы?

– Так и ты бы не поверила, что по иконам бродить пойдешь... – улыбнулся и Василий Егорович. – Эх, Веруха-Веруха... Совсем мы тут стариками стали... А ведь давно ли еще на танцы с тобой бегали?

– Ты Вася, шаль-то не вспоминай всякую... – раздался из кухни Шурин голос. – И ты, Вера, не забывай, свой пенсионный возраст...

– С тобою забудешь, Шура... – недовольно проговорил Великанов. – А куда ты, Вера, ягоды-то на озеро ходила брать? К старым вырубкам?

– Не... На Игумновой топи была...

– Это там ты и медведя видела? – Василий Егорович потянулся, взял с подоконника лесхозовскую карту и развернул ее, отыскивая лесное озеро. – Здесь что ли?

– Ага... Вот тут на берегу лесовоз с выбитыми стеклами стоит... А медведь с другой стороны озера и вышел...

– Это он со стороны Чащобы пришел... – задумчиво сказал Василий Егорович, глядя на карту. – Не очень и далеко получается.

Вера Сергеевна еще водила почерневшим от ягод пальцем по карте, а сама уже почувствовала, что зря она это рассказывает, поняла, что Василий Егорович – все-таки сорок лет в одной школе проработали, тридцать лет в одном доме бок о бок прожили! – как-то нехорошо задумался.

– Да ты что, Вася? – спросила она, глядя соседу прямо в глаза. – Чего надумал-то?

Василий Егорович – точь-в-точь как в школе, когда она напирала на него! – не сразу ответил.

– Видишь, Сергеевна... – сказал он, отводя глаза.

– У зятя-то лицензия на медведя взята... А куда за ним ехать, не знает... Вот я и подумал...

– Да ты что, Василий Егорович?! – возмутилась Вера Сергеевна. – Я же не для этого рассказывала...

– Ну не ты, другой бы кто рассказал... – сказал Великанов, стараясь не смотреть на Веру Сергеевну.

– Но ведь рассказала-то я... – Вера Сергеевна возвысила голос и он предательски задрожал. – Нет, Вася... Нет! Я не согласна!!!

– Совсем ты Верка, как Николая Петровича не стало, с ума съехала... – перебила ее Шура. – Чего ты медведями тут распорядишься? Это что, твой личный медведь, чтобы согласие у тебя спрашивать?! А ты, Василий, не слушай ее... Сей-

час прямо и звони Игорю, пока он в другое место не уехал. Зинке вот-вот рожать, а он ведь не успокоится, пока медведя не съест...

Василий Егорович кивнул.

– Действительно, Вера... – примирительно сказал он. – Медведи в лесу живут... Права на них у всех одинаковые...

И он решительно взял мобильник. Начал набирать номер.

– Да как вы можете, так?! – только и смогла выговорить Вера Сергеевна. – Да я...

Слезы хлынули из ее глаз, и она выбежала из великановской половины.

4

Чего в этот день делала Вера Сергеевна она и сама не помнила.

Вроде за водой на реку сбродила, потом затопила плиту, картошку вариться поставила.

Но все это не она, кто-то другой за нее делал, а мысли Веры Сергеевны жили там, на озерке, где, как на иконе в книжке, переваливаясь с боку на бок, бродил между елками медведь.

Уже когда стемнело за окнами, Вера Сергеевна села к столу, на котором распушенная брусника сохла, начала перебирать ягоды.

Слышно было, как за стеной включили Великановы теле-

визор, но что смотрели, не разобрать было. Зато телефонные звонки Вера Сергеевна хорошо слышала. Раза три звонили и все по межгороду.

Катились пунцовые ягоды, падали в тарелку, оставляя на полотенце налипший лесной мусор, а порой вспыхивали в электрическом свете, слезинкой.

Тогда утирала Вера Сергеевна глаза, вздыхала.

И не услышала даже, как вошел в комнату Василий Егорович.

Сел напротив.

– Ты этого... – сказал. – Ты не бери лишнего-то в голову... Скажи дучше, зять-то завтра с приятелями приедет... Может, тебе с городу чего привезти надо... Не стесняйся...

– Ничего не надо... – сказала Вера Сергеевна и опустила голову, чтобы не видно было слез.

Василий Егорович усмехнулся.

– Расстраиваешься?

– А чего тут расстраиваться... Правильно Шурка-то твоя говорит, что совсем я, когда Николай Петрович мой помер, полоротой стала. Знала ведь, что у вашей Зинки мужик на охоте сдвинулся, могла бы и остеречься...

– Да чего ты медведя-то жалеешь этого?! – досадливо сказал Василий Егорович. – Ну, повезло тебе, мирно встретились, а ведь могло бы и иначе быть... Теперь зато не будешь бояться в лес ходить...

– Дак я ведь и не боюсь, Вася... – сказала Вера Сергеевна,

и так сказала, словно позвала на помощь.

Но снова не услышал ее Великанов.

– Ну это ты шальная такая... – проговорил он.

– А другие очень даже опасаются и, между прочим, правильно делают. Ничего хорошего, что медведь так близко к поселку подошел... Это ж не из сказки медведь... Жрет себе и жрет и ни о чем больше у него не думано.

– Не знаю... – сказала Вера Сергеевна. – Только без медведей, Вася, совсем бы мы в Африку превратились.

– При чем тут Африка?!!! – вытаращился на нее Василий Егорович.

– Так в Африке-то медведей нет, вот и не осталось там никого кроме негров... – то ли подумала, то ли сказала вслух Вера Сергеевна.

Василий Егорович, услышав это, едва со стула не свалился – такой хохот на него напал.

– Правильно Шурка говорит, что ты совсем с ума съехала! – сказал он, отсмеявшись. – Чего же без медведей, неграми все станут? А в Европе чего, в культурных странах... Во Франции, например... Ты, что думаешь, там много медведей?

– Так по телевизору-то показывают, что кроме негров и народу другого там тоже немного осталось... – опять то ли подумала, то ли вслух сказала Вера Сергеевна.

– Эх, Веруха-Веруха... – вздохнул Василий Егорович. – Выдумщица была, выдумщицей и осталась...

Он встал и вышел, не прощаясь.

Захлопнулась за ним входная дверь на крылечко.

Вера Сергеевна прокатила по полотенцу еще горстку ягод, потом поставила тарелку с чищенной брусникой на стол и встала.

Надо было закрыть входную дверь и спать ложиться.

В сенях Вера Сергеевна долго смотрела на щеколду на входной двери и все не могла сообразить – щеколда была задвинута! – как же так получилось, неужто приснилось ей, что Василий Егорович приходил?

Странно, конечно... Очень уж явственным сон был, но с другой стороны, чего это она там во сне про медведей и Африку плела?

Этого Вера Сергеевна и сама уже толком не могла вспомнить...

Похоже, что и, впрямь, задремала, перебирая ягоды...

Хотя чего этому удивляться... Такое уже бывало с ней, когда они еще холостыми с Василием Егоровичем гуляли...

Правда, тогда молодыми они были, а теперь, в пенсионном возрасте оба...

Да, спать надо ложиться, а не сидеть за полночь, как раньше за тетрадками сидела.

Не те уже силы...

На следующий день к вечеру приехал на джипе из города муж младшей Великанихи с приятелями.

Вера Сергеевна видела, как ходят они по двору, перепоясанные патронташами, с упакованными, будто музыкальные инструменты, ружьями, и чувствовала как набухает воздух во дворе смертью, и страшно было выйти из дома.

Потом заревел джип, и охотники уехали, но страшное осталось в воздухе и не рассеивалось никуда, только загустевало с ночной темнотой...

И все отчего-то вспоминалась Вере Сергеевне книжка про пионера-героя, которую много лет назад читала она ученикам. Там, в книжке, предатель был, но не настоящий, а просто проговорился по простоте и выдал... Как она сейчас...

Всю ночь с этими мыслями Вера Сергеевна промаялась, а с утра, как страшный сон, потянулся, не кончаясь день, почерневший совсем, когда вернулась компания из леса.

Вера Сергеевна смотрела в окно, как носили охотники на великановскую половину полиэтиленовые мешки с мясом, а потом вытащили из багажника огромную бурую шкуру и, бросив на штабель досок, стали отчищать ее и засыпать солью.

Лица у всех покраснелись, голоса стали громкими, возбужденными. Даже сквозь закрытое окно было слышно, как

пахнет от охотников водкой и кровью.

От этого запаха крови, от пьяных возбужденных голосов совсем худо Вере Сергеевне стало.

Отступила она от окна и, схватившись за буфет, осела на пол.

6

Великанов, что притащил с собой полиэтиленовый пакет с мясом, едва не упал, споткнувшись о нее.

– Ты чего это у меня, Веруха? – поднимая ее, спросил он. – Голову скружило?

– Не-е... – Вера Сергеевна помотала головой. – Запнулась тут да упала...

– Ну ты даешь, девка... – Великанов усадил ее на стул. – Все цело-то? Ничего не поломала?

– Не-е...

– Ну и ладно тогда... А у меня, Веруха, просьба к тебе... Мясо-то в наш холодильник не лезет... Можно у тебя пакет положить до ночи? У тебя морозильная камера большая...

– Положи! – сказала Вера Сергеевна и, накинув жакетку на плечи, вышла на улицу.

Хотела было выйти к реке, но дорогу туда преграждал вставший у соседской калитки джип, и Вера Сергеевна побрела через огород в другую сторону.

Мимо школы вышла на пустырь за домами и зашагала к

темнеющему вдалеке лесу...

Шла и не думала, куда идет, не разбирала дороги, и только когда замерцали звезды среди голых ветвей облетающего березняка, остановилась, опустилась на землю.

«Спаси, Господи, люди Твоя!» – пробормотала она и закрыла глаза.

7

Только на следующее утро и нашли ее бывшие ученицы, которые пошли за ягодами. Вместо ягод и вытащили на дорогу свою учительницу и отвезли в райцентр, в больницу.

Здесь Веру Сергеевну через неделю навестил Василий Егорович Великанов.

– Ну как ты? – спросил он, раскладывая на тумбочке продукты. – Жить-то будешь?

– Врачи говорят, поживу еще... – слабо улыбнулась Вера Сергеевна. – А ты-то что? Шурка тебя, к зубному отпустила?

– Один я сейчас, Веруха... В город уехала Шурка...

– Погостить?

– Зинка родила у нас...

– Поздравляю... – Вера Сергеевна, действительно, обрадовалась. Младшая Великанова, хоть и шебутной была, а все равно всегда нравилась ей, и когда в школе училась, и когда взрослой стала. – Мальчик? Девочка?

– Не-е... – Великанов покачал головой. – В общем, как ты

и говорила тогда...

– Чего это я говорила?! – удивилась Вера Сергеевна.

– Ну это я так, фигурально выражаюсь... – Великанов наклонился к ней. – В общем, в тот вечер, когда Игорька вызвал на медведя, я выпил маленько с расстройства. Ну и хотел к тебе пойти, но сам в кресле оформился и задремал... Вот мне и приснилось, будто ты сказала, что, если Игорь медведя убьет, то негр у них родится...

– Я сказала?! Когда?!!!

– Да во сне, я тебе говорю... В том сне, который мне приснился тогда...

– Ну и что?

– А ничего... Как ты сказала, так и получилось. В общем, негритенок родился у Зинки, вот что...

– Так может она...

– Не-е, не... Она клянется, что никого у нее в то время кроме Игорька не было...

– Может, перепутали тогда ребенка?

– Может и перепутали... – вздохнул Великанов.

– Только, когда я Шурке рассказал про наш разговор во сне, она сказала, что из-за тебя это и случилось...

– Игорь-то как?

– Дак он не видел еще девочки... Ему сказали, что полежать надо Зине... Вот он и ходит каждый день под окна роддома, все спрашивает, чей носик у нее... А чей носик – его, конечно... А глазки? И глазки, дочка говорит, твои... Шур-

ка-то рассказывает, что и в самом деле курносенькая девочка, кареглазая, только черненькая вся... Не знаем, в общем, как и сказать... Шурка мне велела ехать к тебе, гостинцев отвезти...

– А что я... Что я могу?

– Да я это и сказал Шурке... – вздохнул Великанов. – Медведя-то говорю, все равно не вернешь назад...

– Не вернешь... – Вера Сергеевна и сама не заметила, как ее рука легла поверх руки Василия Егоровича. – Не вернешь, Вася...

– Не вернешь... – Василий Егорович чуть сжал ее пальцы.

– Не вернешь...

Политрук

Церковный плотник Володя рассказал, что в армии возил заместителя командира по политчасти. – И вот ты не поверишь, – сказал он, глядя на меня своими нестерпимо голубыми на загорелом лице глазами. – Но он всегда меня отпускал в церковь на праздники... А время тогда еще до перестройки было... Еще в СССР жили... Строго тогда нас на счет церкви держали...

1

Нет-нет, не сразу замполит льготу такую Володе дал. Не раз и не два заводил беседу, пытаюсь убедить, что Бога нет, но Володя не поддавался.

– Как же, товарищ капитан, мне в Бога не верить? – не выдержал однажды Володя и, расстегнув гимнастерку, вытащил помятую пулей ладанку. – Видите? Эта ладанка с образом Николая Чудотворца на отце была, когда в него на войне пуля летела... Получается, что Бог и спас моего отца на войне... Как же я в Него не буду верить?!

Вот после этого случая и стал политрук, когда возможность была, в церковь, на службу, Володю отпускать...

– И сколько раз ходил в город, в церковь... – рассказывал

Володя. – А ни разу, ни один патруль документы не проверил, хотя я и не прятался от патруля...

И так он и служил, радуясь, что и среди замполитов бывают настоящие люди, и всегда молился в церкви, чтобы Господь привел политрука в церковь...

Но, видно, плохо молился...

Заболел политрук, как раз, когда ему майора присвоили, и так заболел, что сразу болезнь его скрутила...

2

Володя навестил его в больнице.

Политрук умирал.

– Открой тумбочку, солдат... – попросил он.

Володя выдвинул ящик. Там лежали деньги.

– Возьми! – сказал политрук.

– Зачем?!

– Ты панихиду по мне закажи... – неожиданно попросил политрук.

Володя отвел глаза.

– Извините, товарищ майор... – сказал он. – Я не смогу это сделать.

– Почему?

– Нельзя некрещеных отпевать и панихиды по ним нельзя заказывать.

Политрук с трудом улыбнулся.

– А кто тебе сказал, солдат, что я некрещеный? – сказал он.

– Так вы же сами и говорили мне, когда я пришел к вам, что некрещеный...

– Так это, солдат, тогда я был некрещеный, когда тебя против Бога агитировал... – сказал политрук.

3

– Неделю всего он прожил после нашей встречи. – Володя вздохнул. – Мучился страшно, когда я навещал, смотреть на него больно было... Но вот умер, и я даже не сразу узнал его в гробу... Лицо разгладилось, стало неожиданно красивым и даже как-то помолодело...

Он помолчал немного, опустив свои нестерпимо голубые на загорелом лице глаза.

– Мне рассказали потом, что таким у него лицо уже после смерти стало... – сказал Володя. – Получается, что с таким вот помолодевшим лицом и предстал он перед Господом...

Володя перекрестился...

Перекрестился и я.

За всё «запложено»

Лето было жарким, а в конце июля пошли дожди...

Хорошо росли грибы в лесу. Еще быстрее начали расти цены. Люди снова сделались раздражительными, злыми, как тогда, когда Ельцин начинал реформы...

1

Ночью бригада два раза выезжала на удушенных.

Под утро – на ножевую травму. Темнолицый кавказец распорол живот. Распорол, как он утверждал, сам.

– И зачем ты себе хачапури такой сделал? – спросила Ирина, осматривая рану.

– Харакири... – поправил кавказец, и из уголков губ потекла кровь.

– Не все ли равно... Хачапури... Харакири... Главное, что нам не довезти тебя. У нас ни аппаратуры, ни лекарств нет!

– За всё плачу! – сказал кавказец и закрыл глаза, теряя сознание.

Уже в конце смены Ирина позвонила в больницу, куда отвезли кавказца.

– Как там хачапури наш?

– Помер... – ответили ей. – На операционном столе и по-

мер...

Событие для штурмовой бригады было рядовое, но на-строение испортилось.

А дома, только приняла душ и сварила кофе, зазвонил телефон.

В трубке – стоны, причитания и плач мешались между собой, и Ирина долго не могла ничего разобрать.

– Але! – наконец пробилась она сквозь всхлипывающую неразбериху. – Але! Кто говорит?!

– Ира... – заплакала трубка. – Это я – Вера!

– Что случилось, Вера?

– Сережу убили-и...

– С-сережу? – переспросила Ирина, положив стонущую трубку на край стола. – К-когда? З-зачем? Почему Сережу?

Она повторяла эти бессмысленные вопросы, а из глаз текли и текли слезы...

2

Сережа приходился Ирине племянником, но она – своих детей у Ирины не было! – считала его родным сыном. И никогда, за все семнадцать лет, не то что ссор не происходило, но даже и тень непонимания, раздражения не омрачала отношения. Никогда...

Но все изменилось четыре месяца назад...

Тогда шел весенний призыв в армию, и Сергей обратился

к Ирине с просьбой – помочь ему комиссоваться.

Ирина ушам не поверила, когда услышала это.

Семнадцать лет воспитывала она крестника, учила быть честным, смелым, терпеливым... И вот оно...

– Ты боишься, что в Чечню пошлют? – спросила она.

– В Чечню?! Не, тетя Ира... Мне два года терять не хочется. Сейчас ведь в армии служат только те, кому ничего в жизни не светит...

Милитаристкой Ирина никогда не была, но сейчас ей стало обидно за армию.

– Зачем ты говоришь так, Сережа... – мягко сказала она. – Армия нужна, чтобы Родину защищать... Помнишь, мы тропарь Кресту учили? Спаси, Господи, люди Твоя...

– Теть Ир! – перебил ее Сергей. – Я прошу меня от этой армии отмазать, а ты тропари читаешь!

И снова Ирина поежилась.

Она не узнавала своего крестника.

– Сережа... – сказала она. – Не обижайся, пожалуйста, но мне надо обдумать твою просьбу... Если мы сейчас будем продолжать этот разговор, мы поссоримся. Ты понимаешь меня?

– Конечно, тетя Ир... Родители мои в курсе, что бесплатно такие вещи не делаются...

– Иди, Сергей! – попросила Ирина. – Уходи, пожалуйста... ста...

Сергей ушел, но не прошло и получаса, как начались звонки.

Звонила Вера – мать Сергея, звонила Ирина мать – бабушка Сергея... Звонили все родственники, которых знала Ирина, и о которых она понятия не имела.

И все упрекали, что она не хочет помочь мальчику. Слезы мешались с угрозами, упреки с обещаниями...

Голова шла кругом.

На следующий день Ирина отправилась к бабушке. – Что ты у меня спрашиваешь такое? – рассердился священник. – Ведь сама знаешь, что никакой иерей благословения на мошенничество не даст... Нет-нет, милая... И не смотри на меня так... Я тебя в таком деле помогать не благословляю...

– Но ведь я тогда крестника потеряю...

– Даст Бог, не потеряешь... А если поможешь – потеряешь наверняка.

Целый день после этого разговора Ирина держалась. Потом дрогнула.

Сказала сестре, что готова сама дать денег на подкуп врачей, но пускай кто-нибудь другой этим занимается.

И тогда снова зазвонил телефон... Родственники еще яростнее нападали на Ирину, упрекая ее в лицемерии и ханжестве. Что значит: она готова дать деньги на взятку? Это

чтобы не замараться самой?

– Этому в твоей церкви учат? – спрашивали они. И Ирина сдалась.

Поговорила с бывшим однокурсником, который был теперь большим начальником в призывной комиссии. Однокурсник нисколько не удивился.

– Вообще-то это три тысячи стоит... – сказал он.

– Но для тебя за тысячу сделаем...

– Долларов?

– Ну, не рублей же! Разве можно за наши рубли от нашей же армии отмазывать? Не патриотично как-то...

И засмеялся довольный, что так ловко сострил.

На следующий день Ирина передала бывшему однокурснику тысячу долларов, а еще через две недели Сергею поставили штамп в военный билет. Такого счастливого лица, как в тот вечер, Ирина у своего крестника еще никогда не видела.

4

Ирина вытерла слезы и отрешенно подумала, что Сергей чувствовал себя счастливым человеком за три месяца до своей смерти...

Потом взяла трубку, в которой, всхлипывая, булькал голос сестры. Похоже, что Вера тоже успела выплакаться.

– Сережа пошел подружку свою защищать, а его ножом ударили... – сказала сестра. – Это ты виновата, Ирина...

– Я?! – Ирина переспросила таким голосом, словно хотела позвать на помощь.

– Ты... – бесцветно сказала Вера. – Служил бы он в армии, может быть, и жив был сейчас... А ты ему белый билет купила...

5

Хоронили Сергея в субботу на Южном кладбище. День выдался хмурый.

Начинал накрапывать мелкий дождишко и тут же прекратился, но небо, по-прежнему, оставалось серым...

Откуда-то издалека доносился Верин голос.

– Понимаешь, у меня такое ощущение, будто я все-все позабыла, и вот сейчас вдруг вспомнила... Все-все... Даже самые обыкновенные вещи. А, может, я и не знала их никогда? Нет... Наверно просто позабыла, а вот сейчас вдруг вспомнила...

Вера сидела, схватившись за край открытого гроба, и невозможно было разжать ее пальцы, как невозможно было и остановить поток ее слов.

Зато бабушка Сергея, Ирина мать, вся была в делах.

Она уже объяснила Ирине, какой поставят памятник на могиле Сергея, и сейчас рассказывала, что следователь оказался очень толковым и расторопным. Убийца уже задержан, дело скоро будет передано в суд.

– Как ты думаешь? – спросила она. – Коробку конфет ему подарить или, может, торт снести?

– Кому? – спросила Ирина. – Убийце?!

– Следователю! – мать так посмотрела на Ирину, что та поспешила отойти.

6

В Зале прощаний покойники лежали в ряд – морг теперь работал, как конвейер...

Попятившись, Ирина чуть не задела чей-то гроб.

Обернулась и вздрогнула. Из гроба смотрел на нее знакомый кавказец.

Лицо кавказца было наругано и, казалось, что он вполне доволен своей судьбой.

Вероятно, уже успел и тут «за всё» заплатить.

Ирина подумала так и поежилась. Потом виновато отошла.

Началась панихида.

Священник, помахивая кадиллом, деловито читал молитвы, снаряжая Сергея в последний путь.

Какое-то забытье охватило Ирину...

Очнулась она только на кладбище, когда все уже закончилось.

– Пора идти! – сказали ей.

– Нет... Нет... – замотала она головой. – Я приеду на так-

си... Я должна немного побыть одна...

7

И она осталась сидеть на скамеечке и смотреть, как устанавливают могильщики памятник на соседней могиле. С гранитной плиты смотрело на нее лицо давешнего кавказца, сделавшего себе хачапури-харакири.

Потом могильщики достали бутылку водки и устроились рядом с Ириной.

Предложили и Ирине.

Она выпила. Чуть захмелела и сказала, что, наверное, она – ведьма.

– Почему? – заинтересовались могильщики.

– Ну, просто, если кто меня обманет, сразу у этого человека неприятности начинаются...

– Это вы насчет вашего памятника? – участливо спросил один из могильщиков. – Ну, что вы... Не волнуйтесь. Все сделаем, как надо...

– Да я знаю... – сказала Ирина. – Я это так болтаю. Неужели я не понимаю? У вас же работа такая...

– Обычная работа... – успокоившись, сказал могильщик. – И со жмуриками работаем, и с живыми...

– Нет-нет! Что вы! Тут же – неужели вы не чувствуете? – души кругом летают. Если вы что не так сделаете, они вам обязательно отомстят. У вас очень ответственная работа...

Могильщики снова посерьезнели.

– Сделаем, хозяйка... – поднимаясь, сказал старший. – За что заплачено, то и сделаем...

– Да-да, – закивали его товарищи. – Чего же не сделать, если заплачено.

Выкупленная икона

Когда не зайдешь в храм, у этой иконы всегда горят свечи...

И так размещен образ, что кажется, будто пламя свечей, отражающееся в стекле киота, и рассеивает сгустившиеся на иконе сумерки, и пространство, где находится Богородица, смыкается с пространством храма.

Не от того ли такая удивительная молитвенная тишина стоит тут...

А недавно мне довелось узнать и историю появления этой иконы в храме.

Настоятель рассказал, что они выкупили икону у одного своего прихожанина за 10 000 долларов.

– За сколько?!

– Все переспрашивают... – вздохнул настоятель.

– А главное, что мы тогда только начинали восстанавливать храм. Денег ни на что не было, но все равно, когда увидели икону, хотя и несуразной нам цена показалась, решили купить. Правда, договорились, что сумму эту Храм будет выплачивать частями.

– И как же выплачивали?

– Сам не знаю... – сказал священник. – Однажды я даже взмолился, когда на исповеди владелец иконы подошел ко мне... Отдай, говорю, икону так. Ты же православный чело-

век... Видишь ведь, нет денег у нас...

– Нет! – ответил он. – Не могу без денег отдать.

– Не понимаю тебя... – сказал я. – Ты ведь не молодой уже. Пенсию получаешь хорошую... Куда тебе такие деньги?

– Сыну хочу помочь...

– А он что? Инвалид у тебя? Или несовершеннолетний?

– Почему инвалид? Здоровый мужик. И зарабатывает неплохо...

– А чего же тогда ты помогать ему собираешься?

– Так родной ведь... Кому же помогать, если не родному?

– А церковь что, не родная тебе?

– Родная... – говорит. – Только сыну я должен помочь...

Священник прервал свой рассказ.

Подошел к иконе, перекрестился.

– И больше вы уже не говорили про это? – спросил я, когда священник завершил молитву.

– Не говорили... Это, вообще, последний наш разговор и был... Не успели мы ему деньги за икону отдать... Помер он.

– Значит, получается, что все-таки пожертвовал он икону в храм?

– Нет-нет... – покачал головой священник. – Мы сыну его деньги потом отдавали. Он еще проценты с нас стребовать хотел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.